

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ НАЗВАНИЙ ЛЮДЕЙ СО СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫМИ СВОЙСТВАМИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ)¹

ИРИНА ИВАНОВНА РУСИНОВА

(Пермский государственный национальный исследовательский университет:
Российская Федерация, 614000, г. Пермь, ул. Букирева, 15)

***Аннотация.** В статье рассматриваются способы лексикографического представления в словаре лексики мифологических рассказов Пермского края названий людей со сверхъестественными свойствами по данным мифологических текстов Пермского края. Актуальность работы заключена в следующем: во-первых, на сегодняшний день, когда собрано большое количество мифологического материала, необходимым становится описание не только персонажей и их структуры в разных традициях, но и исследование лексики, воплощающей мифологические представления; во-вторых, изучаемая лексика, отражённая рядом современных словарей, не получила достаточной лингвистической (семантической) характеристики. Существующие словари мифологической лексики носят в основном энциклопедический характер и не предполагают филологического толкования единиц. Диалектные словари описывают в основном именные единицы, причём достаточно поверхностно (в них для толкования чаще всего используются синонимы литературного языка: колдун, знахарь), и оперируют обычно немногочисленными контекстами.*

Предлагаемые словарные статьи включают названия не только самих персонажей, но и название их признаков. Дефиниции, приведённые в словарных статьях, построены в соответствии с разработанными автором статьи моделями толкования лексического значения, включающими описание как общих, родовых признаков мифологического персонажа — человека с демоническими признаками, — так и частных, различительных (отличающих его от других персонажей). Данное исследование является частью лексикографической работы, посвящённой словарному описанию русской народно-демонологической лексики Пермского края.

***Ключевые слова:** мифологический текст, Пермский край, человек со сверхъестественными свойствами, словарь, модель толкования.*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-14-59009-ОГН «Фольклорная несказочная проза Северного Прикамья: универсальное, региональное, локальное (на материале записей второй половины XX — начала XXI вв.)».

«За полтора века относительно активной собирательской работы во всех славянских странах накопилось большое число описательных материалов, отражающих народные верования о персонажах “низшей” мифологии, однако теоретическая разработка этой неисчерпаемой темы долгое время не поспевала за накоплением фольклорных и этнографических фактов» [Виноградова 2000: 9].

На сегодняшний день, когда собрано большое количество мифологического материала, актуальным становится описание не только персонажей и их структуры в разных традициях, но и исследование лексики, воплощающей мифологическое представление.

Целью настоящей статьи является попытка представления моделей толкования одной группы лексических единиц — названий людей со сверхъестественными свойствами по данным одной региональной традиции в словаре лексики мифологических рассказов Пермского края.

Источниками материала для статьи послужили мифологические тексты о колдунах, опубликованные в фольклорно-этнографических сборниках Пермского края (составители и редакторы К. Э. Шумов, А. В. Черных, И. А. Подюков и другие), мифологические тексты, хранящиеся в фольклорном архиве ПГНИУ (ФА); данные диалектных словарей Пермского края (см. список источников).

Основой мифологических текстов, представляющих ту или иную лингвокультурную традицию, является название персонажа, а также другие элементы, составляющие его структуру. Проблема соотношения этих элементов славянского мифологического персонажа посвящены многие работы, среди них исследования Е. Е. Левкиевской. По её мнению, «...под мифологическим персонажем понимается пучок релевантных признаков и функций, скреплённых именем, при этом имя персонажа признаётся той доминантой, которая обуславливает устойчивость функций и признаков, образующих персонаж» [Левкиевская 2007: 6].

Другие учёные, отмечая важность этой проблемы, подчёркивают, что для описания (особенно — идентификации) мифологического персонажа, кроме имени, функций и признаков, важны и другие элементы. В качестве варианта решения

данной проблемы была предложена схема описания мифологического персонажа [Виноградова и др. 1989: 78–85]. На основе этой схемы были построены, с одной стороны, описания нескольких персонажей в одной лингвокультурной традиции [Кабакова 1989], с другой — проведены сопоставительные исследования на материале различных культурных традиций. Например, сравнению восточнославянской русалки, западнославянской богинки, болгарской самодивы и сербской вилы посвящена работа Л. Н. Виноградовой и С. М. Толстой [Виноградова, Толстая 1989: 86–114].

Все исследователи солидарны в том, что в каждой лингвокультурной (региональной, даже локальной) традиции существует свой набор персонажей со своими номинациями, признаками, действиями и пр., причём учёные отмечают «значительную степень варьирования поверий об одном и том же персонаже в разных локальных зонах, что создаёт особые трудности для распознавания определённого типа демона» [Виноградова 2000: 9].

Актуальность и сложность рассмотренного исследуемого материала в лексикографическом аспекте обусловлены рядом факторов.

Во-первых, большая часть персонажной лексики относится к общерусскому лексическому фонду (*волшебник, знахарь, колдун, лекарь* и др.) и рассматривается в толковых словарях. Вот так подаёт их «Большой академический словарь русского языка»:

Волшебник. В мифах, сказках и т. п. — тот, кто наделён способностью совершать чудеса; колдун, чародей [БАС 3: 106].

Знахарь. Целитель, врачеватель, использующий наряду со средствами народной медицины также энергетическое воздействие, магические, колдовские приёмы, заговоры и т. п. [БАС 6: 778].

Колдун. Человек, занимающийся колдовством; волшебник, чародей, ведун [БАС 8: 219]. **Колдовство.** 1. По народным представлениям — магические приёмы, с помощью которых можно воздействовать на людей и природу; использование таких приёмов в разных целях; волшебство, чародейство [БАС 8: 218].

Лекарь. 1. В доревол. России — врач. 2. Разг. О том, кто лечит кого-либо,

занимается лечением (врач, фельдшер и т. п.); медик [БАС 9: 123].

Однако мы, исследуя мифологический материал, собранный в Пермском крае, и опираясь на опубликованные данные других регионов, не можем не отметить семантической специфики в значении этих же лексических единиц.

Например, среди литературных значений слова *лекарь* вообще нет значения 'человек, способный с помощью магических приёмов воздействовать на людей и природу', хотя в рассказах о колдовстве это значение для слов *лекарь*, *лекарка* и других однокоренных им реализуется.

Слово *знахарь* (и целый ряд других дериватов от глагола *знать*) в мифологических текстах тоже имеет указанную семантику. Однако, если проанализировать толкование, приведённое в БАС, возникает ряд вопросов: чем магические приёмы отличаются от колдовских? что такое энергетическое воздействие? что относится к средствам народной медицины? являются ли заговоры магическими (колдовскими приёмами), средствами народной медицины или это отдельное средство? И, если мы ответим на все эти вопросы, то получается, что каждый знахарь использует разнообразные средства народной медицины, энергетическое воздействие, магические и колдовские приёмы, а также заговоры. Одним словом, это толкование достаточно спорное.

Во-вторых, эта лексика отражается рядом энциклопедических словарей, в которых слабо осуществлена лингвистическая (семантическая) характеристика единиц. Например, в словаре М. Н. Власовой «Новая АБЕВЕГА русских суеверий» лексические единицы *еретик* (*еретик железнозубый*, *еретик лесной*), *ерестун*, *еретник* толкуются следующим образом: колдун; дух, тень умершего колдуна, знахарь, встающий из могилы; выходящий из могилы мертвец; злой дух, чудовище, нечистая сила; а слова *еретница*, *еретница* определяются так: колдунья; умершая колдунья, которая встаёт из могилы. Затем, после перечисленных выше словарных статей, приводятся комментарии и иллюстрации из различных источников [Власова 1995: 85–86]. Автор не выделяет в семантической структуре приведённых единиц отдельных значений или оттенков значений. Кроме того, М. Н. Власова для толкования

этих единиц использует, так же как и многие составители диалектных словарей, общерусские слова *колдун* и *знахарь*, судя по всему, противопоставляя их, как того, кто причиняет вред, вызывает болезни, и того, кто избавляет от вреда и болезней. Однако в словарях литературного языка слово *колдун* не имеет такой однозначной семантической трактовки, ср.: *Колдун*. Человек, занимающийся колдовством; волшебник, чародей, ведун [БАС 8: 219]. **Колдовство**. 1. По народным представлениям — магические приёмы, с помощью которых можно воздействовать на людей и природу; использование таких приёмов в разных целях; волшебство, чародейство [БАС 8: 218].

В энциклопедическом словаре «Славянская мифология», подготовленном сотрудниками Института славяноведения Российской академии наук [Славянская мифология 2014], тоже содержатся толкования названий магических специалистов и других людей с демоническими свойствами (*ведьма*, *вейтица*, *знахарь*, *колдун*, *мельник*, *пастух*, *повитуха*, *старик* и др.). Однако в силу нефилологической природы данного словаря его статьи раскрывают не значения слов, а имеют другую цель — «очертить то культурное содержание толкуемого элемента мира, которое характерно для наивного (т. е. не научного), мифопоэтического сознания, проявляющего себя в традиционных верованиях, мифологических представлениях, обрядовом и бытовом поведении, фольклорных текстах и т. п.» [Там же: 5]. Тем не менее, дефиниции, которые присутствуют в начале каждой статьи, содержат основные представления о персонажах, позволяющие увидеть общее и отличное. Например, в определении колдуна подчёркивается его способность «творить добро и зло с помощью магических действий и средств...»; в определении знахаря — способность использовать магическое знание «для лечения людей и скота, охраны от колдовства» и пр.; а в определении ведьмы — вредоносные демонические свойства персонажа и т. п. [Там же: 233, 189, 63].

В-третьих, изучаемые единицы можно назвать *фольклорными словами* (поскольку подавляющее большинство таких единиц входит в корпус быличек как текстов определённого фольклорного жанра), но

современная теория и практика фольклорной лексикографии не включает их в своё исследовательское поле, сосредоточившись на единицах эпического и лирического фольклора (см. работы курских лингвофольклористов [Бобунова, Хроленко 2006а, 2006б, 2007, 2008, 2009, 2010]) или ключевых словах духовных стихов и духовных песен [Никитина 2009: 42–44].

В-четвёртых, включают данную лексику и диалектные словари, рассматривая её как такую, которая отражает диалектную этнокультурную семантику. Но и диалектные словари описывают в основном именные единицы, причём достаточно поверхностно, оперируя чаще немногочисленными контекстами. Приведём в качестве примера словарную статью на слово *вещица* из «Словаря русских народных говоров».

Вещица, ы, ж. 1. Колдунья, гадалка; ведьма, оборотень. Южн. Сиб., 1847. Сиб. *Баба эта, бают, вещица. Сказывают, что колды-то нашли её труп под корытом в бане, а сама она ... претворится в сороку да и летат. Залетат она трубой, если её, не благословясь, закроют, либо дверями, если запирают их да не скажут: Господи, благослови!* Перм. «Помимо колдунов, здесь, взамен ведьм, были «вещицы», тоже летавшие в трубы и занимавшиеся добытанием у беременных женщин младенцев из чрева и заменявших их в лучшем случае краюхой хлеба, а в худшем — голиком». Красноуфим. Перм., Тр. Перм. губ. уч. археогр. комисс., 1913. «Вещица — ведьма; она в трубу вылетает, у спящей женщины распарывает брюхо, вынимает младенца и съедает; летает сорокой». Перм., Веселовский. *Уж такая вещица не узнат, дак кто ещё узнат.* Ср. Урал. *Ведьма у нас называется вещица.* Ср. Урал, 1964. Тюмен. Тобол., Иркут., Амур. *Оградите меня, имьярека, каменным градом о трёх запорах и заборонах, схороните в двинскую вершину и в каменную пещеру, от ведуна и от вещицы, от волхва и от кудесника и от всякого злого человека, недоброго. Коли те ключи найдёт ведун и вещица, а замки отомкнёт, и ворота отворит, и град потопит, ни ведуну, ни вещице тех ключей не нахаживать* (заговор). Холмог. Арх. Вещица. Шадр. Перм., 1930. || По местному поверью, нечистая сила, лесной дух, часто в образе красиво окрашенной белки или бесхвостой сороки. Бирок. Уфим., 1897.

Перм., Тобол. ♦ Бранно. Нечистая сила. Полев. Свердл., 1958 [СРНГ 4: 228–229].

Как видно из приведённого фрагмента, составители выделяют только одно значение и один оттенок значения в структуре словарной статьи. На наш взгляд, это толкование неточно отражает содержание приведённых иллюстративных материалов. Прежде всего, следовало бы показать не как оттенки, а как самостоятельные значения «человек со сверхъестественными свойствами» и «лесной дух». Кроме того, в разных говорах лексема *вещица* обозначает персонажей с разным набором функций и соответствующих им признаков и действий. И это тоже хорошо было бы отразить в толковании.

В-пятых, попадает такая лексика в словари этнокультурных терминов, например, в этнолингвистический словарь «Славянские древности». Однако специфика данного словаря (отражение в словнике только «культурно нагруженных» единиц), ориентированность на всю славянскую традицию делают невозможным показ семантики, актуализирующейся в конкретной этнокультурной традиции и в текстах определённых фольклорных жанров.

Наконец, создаются и специализированные этнодиалектные словари, отражающие лексику мифологических рассказов и говоров определённых территорий. Однако на сегодняшний день не все обработанные и подготовленные материалы вышли в виде готовых изданий. В 2000 году опубликован «Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. Выпуск V. Магия и знахарство. Народная мифология», составленный О. В. Востриковым [Востриков 2000]. Но другие материалы вышли только в виде отдельных статей: это работы Е. Е. Левкиевской «Материалы к словарю полесской этнокультурной лексики (Опыт компьютерной обработки восточнославянской диалектной лексики). Демонология» и «Демонология севернорусского села Тихманьги», опубликованные в «Восточнославянском лингвистическом сборнике» в 2001 году [Левкиевская 2001а; 2001б].

Таким образом, ни один из перечисленных типов словарей не отражает с достаточной степенью полноты (и не может отразить по объективным причинам)

лексической системы, составляющей основу русских мифологических текстов и отражающей общерусскую и региональную специфику этих единиц.

Необходимость лексикографической интерпретации ключевых лексических единиц текстов мифологических рассказов обусловлена и другими причинами. В отличие от многих других жанров фольклора русские былички, составляющие основной корпус мифологических текстов, и сегодня демонстрируют хорошую сохранность и актуальность. Об этом говорят многочисленные сборники таких текстов, свидетельства фольклористов и диалектологов, которые собирают этот материал, диалектные словари, отражающие в том числе и мифологическую лексику. К настоящему моменту накоплен огромный корпус таких текстов, в том числе и по Пермскому краю. Материалы, собранные в разных районах этого региона, составляют многие сотни страниц и многие часы устных рассказов. Эти материалы позволяют описать демонологическое лексическое пространство региона если не исчерпывающим образом, то с большой степенью полноты. Но существующие лексикографические издания, как показал вышеприведённый анализ, не отражая этой лексики как системы, представляя лишь часть огромного корпуса таких единиц. И только полное и системное лексикографическое описание может продемонстрировать не только значение каждой из них, но и позволит составить мнение как о комплексе мифологических представлений того или иного региона, так и о наборе лексических единиц, отражающих эти представления. Кроме того, региональный (а не нацеленный на всю русскую традицию) характер словаря позволит показать материал глубоко и подробно как со стороны семантики (структуры значения единиц), так и со стороны географии (распределение единиц по описываемой территории).

Прежде чем толковать названия людей со сверхъестественными свойствами, мы разбили весь их корпус на тематические подгруппы, чтобы для каждой из них разработать свою модель толкования.

Во-первых, все номинации можно разделить на две части.

Одна группа — это лексические единицы, называющие магических

специалистов, т. е. тех людей, чьи сверхъестественные способности признаются деревенским сообществом как их постоянный признак (*бесист, вещица, ведун, ерекник, знаток, икотник, колдун, портун, словница, чертистый, шептун* и др.).

В другую группу входят единицы, обозначающие людей, которые по какой-либо причине мифологизируются, могут быть отнесены народным сознанием к тем, кто обладает сверхъестественными способностями. Это старые люди; представители некрестьянских профессий; разного рода «чужаки»: этнические, конфессиональные, географические; люди, отличающиеся особенностями внешнего облика, и пр. Очевидно, что толковать единицы этих разных групп стоит по-разному.

Во-вторых, мы можем поделить номинации и по другому принципу — в зависимости от цели магической деятельности персонажа. Данный принцип позволяет выделить три лексических группы: названия тех, кто причиняет вред; тех, кто оказывает помощь; и тех, кто использует свои сверхъестественные способности с разными целями. Эту семантику тоже следует отражать в толковании.

Отдельную группу составляют единицы, значение которых указывает на один из способов магического воздействия персонажа. Чаще всего это вербальный способ. В структуре толкования это тоже должно найти своё отражение.

Итак, для толкования названий персонажей-людей и их характеристик мы составили несколько моделей (эталонов, по терминологии Н. Ю. Шведовой, см. также её замечание: «Для того, чтобы избежать разнобоя в словаре, лексикограф должен работать не с алфавитным списком слов, а с определёнными их лексическими группировками <...> сама систематическая организация материала, сам подбор и соседство слов послужат гарантией единообразных и непротиворечивых решений, устранения ошибок, пропусков и непоследовательностей» [Шведова 1981: 171]).

Первая модель лексикографического описания предназначена для толкования лексических единиц самой широкой семантики, обозначающих магических специалистов, и состоит из двух частей:

1) *Человек, обладающий магическими знаниями, умениями* + 2) *применяющий их с разными целями: для причинения*

вреда, вызывания болезней людей и скота, нейтрализации вредоносного магического воздействия, лечения и т. п.

Таким образом мы предлагаем толковать прежде всего существительные, образованные от корней *зна-*, *колд-* и некоторые единицы, образованные от корня *вед-*: *знаток*, *знаткой*, *знатливый*, *знатный*, *знающий*, *сущ.*; *колдовка*, *колдуника*, *колдунья*, *колдуха*, *колдя*, *холдунья*, *колдун*, *колдунёнок*, *колдунчик*, *холдовитый*, *холдун*; *ведун*, *волошебник*, *волшебник* и др.

Приведём примеры из текстов:

Слыхала я от мамы, что *волошебники* раньше были. Всякие колдовства выделявали (Воскресенск Карагайского р-на) [СПГ 1: 116]. *Знаткие* — они так могут сделать, свадьбу переворотить в волков (Юм Юрлинского р-на) [СРГКПО: 108]. Дедушка у него звали *знатким*. Он ничё никому худа не делал. Корова хворала. Маме её колоть-то шибко жалко. Мать пришла: «Семён Макарыч, погляди нашу корову: колоть или жить оставить». А он как будто знал чё-ко. Он пришёл, поглядел, говорит: «Нет, корову не колите, корова будет жить. На ней шерсть баско лежит. Ничё ей не будет». И лучше стало (Н. Язьва Красновишерского р-на). Он не *знатливый*, а он лекарь. Он только лечит, делат хорошее дело (Рожево Чердынского р-на) [ФА]. *Которые знатные* были, те лечили (Елога Юрлинского р-на) [ФА]. *Знающими* у нас тех зовут, которые килу напускают или другую порчу (Шульгино Берёзовского р-на) [СПГ 1: 331]. Вот собачья старость была раньше. Надо было с этой болезнью ребёнка к *знающей* нести. Она калачик состряпат большой, чтобы ребёнок пролез, испечёт его. Баню истопит три раза, а потом в калачик ребёнка проденет и этот калачик собакам скормит (Гунино Усольского р-на) [УД: 124].

Вторая модель толкования названий магических специалистов состоит из следующих частей:

1) Человек, обладающий магическими знаниями, умениями + 2) применяющий их для (указывается цель: причинение вреда, вызывание болезни, нейтрализация вредоносного воздействия или защита от него, лечение и т. п.).

Однако при составлении толкования мы должны учесть следующий нюанс: такие номинации обозначают

не абсолютных магических злодеев и не абсолютных магических помощников, а тех лиц, которые, по мнению носителей традиции, обладая сверхъестественными свойствами, обычно, чаще всего используют их с указанной целью. Авторы мифологических текстов подчёркивают, что такие люди могут применять свои способности по-разному: «*Говорили, что мама всё знала — по ту и эту сторону*» (Усть-Уролка Чердынского района); «*А хозяйка-то старушка знающая, она на все статьи знает — испортить и вылечить*» (Тюлькино Соликамского района) [ФА]. Именно поэтому в толковании деятельность таких персонажей описывается не категорично, а с использованием наречия *обычно*.

Вторая модель толкования используется при описании следующих лексических единиц:

а) обозначающих персонажей, чья деятельность имеет чаще всего вредоносный характер: *ведунья*, *ведьма*, *ведьмарь*, *волхитка*, *ерекник*, *еретик*, *еретник*, *ерекница*, *еретника*, *еретница*, *икота*, *икотка*, *икотник*, *икотный* (*сущ.*), *кил*, *килун*, *киловяз*, *киловязка*, *оратник*, *портун*, *портуника*, *портунья*, *чернец*, *чернобай*, *чернобайка*, *чернокнижник*, *чернокнижница* и др. Дефиниция этих единиц выглядит так: *человек (женщина), обладающий(ая) магическими знаниями, умениями и применяющий(ая) их обычно для причинения вреда, вызывания болезней людей и скота и т. п.*

Приведём контексты:

Волхитка она шибко. Сижу, читаю, смотрит; вдруг как залает, занает — у меня всё заломило в голове. И присушивает она, и человека в могилу свести может (Ильинский) [СПГ 1: 117]. В Сыпучах был, говорят, *ерекник*. Дочь свою испортил. Она умерла у их (Акчим Красновишерского р-на) [ФА]. В Горюшках пришёл *еретник*-то на свадьбу. А подавали-угощали, а ему не подали. Оказалась берёза на столе, почала хлестать, стол закрыла весь [КБ: 61]. *Еретница* людей портит (Н. Залесная Осинского р-на) [СПГ 1: 249]. Если он *икотник*, он всё что угодно может сделать: может украсть молоко у коровы, может корову отлещить от дома, она не будет домой ходить (Мухоморка Юрлинского р-на) [ФА]. *Колдун-киловяз* может килу посадить (Юм Юрлинского

р-на) [СРГКПО: 119]. Когда ставят дом, копают столбы, колдун-оратник мог в это время подложить кость от скота, и тогда в доме будут часто умирать (Тимина Юрлинского р-на) [ЮК: 370]. **Чернобаи** могут всё сделать, насадить. В церковь-то их не возили отпевать, грех большой — они не с Богом, а с чёртом знались (Калинино Кунгурского района) [СРГЮП 3: 349];

б) обозначающих персонажей, чья деятельность чаще направлена на оказание магической помощи людям: *лекарница, лекарка, лекарша, лекарша, лекарщица, лекарька, лечебница, леченица, лечица, лекарь* и др. Для толкования этих единиц предлагаем такую дефиницию: человек (женщина), обладающий(ая) магическими знаниями, умениями и применяющий(ая) их обычно для лечения людей и скота, нейтрализации вредоносного магического воздействия и т. п.

Примеры использования указанных единиц в текстах:

Колдуньи были и лекари. Словами лечили (Акчим Красновишерского р-на) [АС 2: 103]. Кто снимает порчу — это **лекарь** (Вильва Соликамского р-на) [ФА]. Вот в Сиве, говорят, крепкие очень эти... **лекаря**, пошибку лечат (Верещагинский р-н) [Христофорова 2010: 195].

Третья модель. Если персонаж имеет характерные особенности (например, для северо-восточной части края типичны представления о том, что колдун имеет в услужении злых духов-помощников, которых он использует как инструмент для причинения вреда людям), то эти особенности указываются в дефиниции, усложняя её структуру: 1) Человек, обладающий магическими знаниями, умениями + 2) имеющий в услужении «бесов» — злых духов-помощников + 3) применяющий их обычно для причинения вреда, вызывания болезней. Чаще всего такие лексические единицы мотивированы словами *бес* и *чёрт*, обозначающими такую разновидность нечистой силы в мифологических текстах (*бесист, бесистый, бесястый, чертист, чертистый, чертистая, чертистка, чертиха*). Как видно, в этой группе много субстантивированных прилагательных.

Примеры использования единиц в текстах:

Где-то кто-то слышал, что от бейсей рак-то, от них. Ведь его не находят.

Даже **бесистые** говорят, что это их работа (Вильгорт Чердынского р-на) [ФА]. А тут тожо одна женщина сказывала: где-ко там, в верхах, один бесистый есть. Портит тожо людей-то (Карпичева Чердынского р-на) [ББ: 239]. **Бисястые** ки-ко люди были. В бане, говорят [учили], в баню уводят. Там собака огненная. Ей в хайло лезь, и с бисями будешь. Корову могут испортить. Другие **бесястые** лечат (Талово Чердынского р-на) [ФА]. Сказывают, что **чертисты** с чертями водятся и на людей порчу наводят или взглядом или прикосновением руки (Редикор Чердынского р-на) [ФА]. Сели обедать. Одна **чертистка** угостила женщину лепёшками. Та и стала заговариваться (Камгорт Чердынского р-на) [ФА].

Для южных районов края типичны представления о *вещицах* (*векшах, векшицах, вешицах, вещьелицах*). Такой персонаж является исключительно злокозненным и исключительно женским, он обладает рядом специфических способностей (перемещаться по воздуху, превращаться в животных и предметы) и действий (уничтожать детёнышей человека или домашнего скота, повреждать половые органы мужчин) (см. описание персонажа в [Черных и др. 2016: 62–79]). Самые яркие способности и действия нашли отражение в модели толкования: 1) *Женщина, обладающая магическими знаниями, умениями + 2) (перемещаться по воздуху, принимать облик животных, предметов и др.) + 3) применяющая их для вызывания болезней, причинения вреда, особенно беременным женщинам / самкам животных, мужчинам в репродуктивном возрасте.*

Примеры:

Векищцы раньше были, средятся да в трубу, ну и летать. Лукошками делаются. Как за муди сцапают мужику-то, он и пропадёт (Б. Кусты Куединского р-на) [КБ: 63]. А **вещицы** из трубы вылетают. Мой-от дедушко на гумне видел её (Н. Залесная Осинского р-на) [СПГ 1: 95]. *Вещисы* были. Летают в трубу. Ребятишек добывали у баба, жарили да ели в бане (В.-Сава Куединского р-на) [КБ: 64]. **Вещицы** летали — в хлев-от, где стельная корова была. Телёнок мог мёртвый родиться, или ишо кака порча (Б. Букор Чайковского р-на) [СПГ 1: 95].

Обычно человек со сверхъестественными способностями осознаётся носителями традиционной культуры как «специалист широкого профиля». В его арсенале могут быть разные средства воздействия: сакральные тексты, магические предметы (коготь медведя, «громовая стрела», «чёртов палец» и пр.), предметы христианского культа, святая (наговоренная) вода, «наговоренные» предметы (пища, питьё), жидкости тела человека (пот, слюна, кровь, сперма), лекарственные травы, массаж и др. Но особое внимание в мифологических текстах уделяется вербальным средствам воздействия, что находит отражение в названиях персонажей: *бормотушка, заговоруха, заговорищица, заговорищик, каляка, словарка, словеница, словница, словница, словищица, словеник, словесник, словник, шептунья, шептунья, шептуха, шептальничек, шепталь, шептун*.

Для таких единиц разработана своя, четвёртая, модель толкования:

- 1) *Человек (женщина), обладающий(ая) знанием магических текстов +*
- 2) *умеющий(ая) применять их обычно для лечения, нейтрализации вредоносного магического воздействия и т. п.*

Приведём примеры:

На том конце деревни бормотушка живёт, всяку болезнь может заговорить (Кленовка Большесосновского р-на) [СПГ 1: 49]. *Съездила я потом к словеснику-то, словесник и говорит: «Тебя испортил мужчина, который уже умер»* (Губдор Красновишерского р-на) [СПГ 2: 353]. *Были шептуньи, пошепчут, и как рукой снимали* (Берёзовка) [СРГЮП 3: 393].

Кроме однословных, в мифологических текстах представлено большое количество составных единиц с опорными словами «человек», «люди», обозначающих магических специалистов (*знаткий человек, знаткой человек, знатливый человек, знатный человек, знающий человек, бесистый человек, бесястый человек, нечистый человек, плохой человек, поганый человек, хитрый человек, чертистый человек*). Чаще всего такие словосочетания называют людей, направляющих своё «сверхзнание» не во благо, а во вред. Эти единицы толкуются с использованием первой или второй модели в зависимости от семантики. Надо сказать, что и само слово *люди* в текстах мифологических

рассказов может употребляться в указанном значении:

ЛЮДИ. *О колдунах, других людях, способных причинить вред, вызвать болезнь.* У меня опоясывающий лишай. Я думаю, это от людей (Ананьино Чернушинского р-на) [СРГЮП 2: 44]. [Откуда болезнито?]. Да, вот откуда она идёт, кто его знает, да говорят, что от людей. Да, уроки, падают уроки. Это, говорят, всё уроки (Черепаново Чердынского р-на) [ФА].

Любое существенное отличие, выделяющее человека традиционной культуры на общем социальном фоне, отмечается народным сознанием и переводит этого человека в ряд «не своих», «чужих». Таким людям приписываются демонические свойства, их считают колдунами. Лексические единицы пермских мифологических текстов, обозначающие таких людей, мы описали в статье [Русинова 2013: 28–34].

Обладание магическими знаниями и умениями является возможным, потенциальным свойством таких людей, а главный их признак — непохожесть, реализующаяся в той или другой их характеристике: в соответствии с пермской мифологической традицией, это представитель некрестьянской профессии (*ветеринар, врач, змеелов, кастратор, коновал, конюх, кузнец, лесник, медсестра, мельник, охотник, пастух, пастушка, пастушиха, печник, плотник, помощник мельника, поп, солдат, строитель, церковная работница*), «нездешний», то есть прибывший в данный населённый пункт из другого, чаще достаточного удалённого места. Данная модель лексикографического описания персонажей-людей выглядит так: 1) *социальная (профессиональная, этническая, конфессиональная и др.) характеристика* (работник, ухаживающий за лошадьми (конюх), представитель коми-пермяцкого народа (пермяк), очень пожилой человек (старик, старичок) + 2) *как возможный носитель магических знаний и умений*.

Представим несколько словарных статей:

КОНОВАЛ. *Специалист в лечении лошадей как возможный носитель магических знаний и умений.* Ещё мне года не было, я лежала при смерти. Мама говорит, я только смотрела душу у меня. И зашёл, говорит, **коновал**. Раньше скота вываживали, старики ходили. Зашёл,

ведь не видел, только зашёл, сразу на западёнку сел и говорит: «Водись, водись, молодушка, девочка живучая. Двадцати пяти лет она из мёртвых оживёт» (Бондюг Чердынского р-на) [ФА]. У нас в той-то стороне Сретенской колдуны были. Их **коновалами** там звали (Субботино Ильинского р-на) [СПГ 1: 412].

КОНЮХ. *Работник, ухаживающий за лошадьми, как возможный носитель магических знаний и умений.* Степан-от **коноух**, дак он уж колдун был. Бывало, спортит человека, дак вот уж тот заболет, не к добру (Касиб Соликамского р-на) [ФА].

ПЕРМЯК. *Представитель коми-пермяцкого народа как возможный носитель магических знаний и умений в русской среде.* Если дом пермяк ставит, ему не унорвишь, он делает так, что стучать будет. Дом продавать надо. **Пермяки** — они вообще дошлые люди (Чёрмоз Ильинского р-на) [ФА].

СТРОИТЕЛЬ. *Плотник и / или печник как возможный носитель магических знаний и умений.* Видно, [хозяйева] худо поугощают [строителей], есть сядут, отопки с печки летят. **Строители** уж такие знающие были (Пож Юрл.) [Бахматов и др. 2008: 190].

КЕРЖАК. *Старообрядец в среде официального православия как возможный носитель магических знаний и умений.* Вот раньше у нас были такие... всегда вот **кержаки** очень много садят. Если им не понравится, или они по ветру отпускают, или они кому хочешь посадят и... Вы в дома заходите, молитву творите. Перекреститесь. Как к кержакам заходить, так перекреститесь (Сивинский р-н) [Христофорова 2010: 202].

РЫЖИЙ, сущ. *Человек с волосами рыжего цвета как возможный носитель магических знаний и умений.* Тут вот у нас про Колю **Рыжего** ходили слухи: он коров портил (У.-Зула Юрлинского р-на) [ФА]. А ещё говорят, что **рыжих** нельзя к скотине пускать: испортят (Андреевка Оханского р-на) [ФА].

Среди единиц словаря есть такие, которые обозначают **признаки, характеристики** людей, относимых народным сознанием к группе «знающих». Чаще всего такие единицы обозначают особенности внешности или физические аномалии людей. Для этих единиц (*безногий, безрукый, горбатый, косой, косошарый, немой,*

рыжеватый и др.) тоже была выработана своя модель лексикографического описания: *имеющий что* (волосы рыжего цвета, горб и под.) / *не имеющий чего* (руки, ноги и под.) + (об особенности внешности человека — *возможного носителя магических знаний и умений*). Дефиниция подчёркивает, что такие особенности внешнего облика людей являются не обязательным, а потенциальным признаком людей с демоническими свойствами.

Приведём примеры словарных статей:

БЕЗРУКИЙ. *Не имеющий руки (о физической особенности человека — возможного носителя магических знаний и умений).* Он **безрукый**, настоящий колдун. Портит много, чертей, видно, насаживает. Откуль-ко берёт, не знаю (Талица Красновишерского р-на) [ФА].

ГОРБАТЫЙ. *Имеющий горб (о физической особенности человека — возможного носителя магических знаний и умений).* Много их [колдунов] было дак. Ещё одна была, как сказать, **горбатая** девка. Тоже знала много. Ак вот она умерла, дак мужику-ту казалася она всё, бегала за им. Дак он осину срубил и вкопал, это, ей в голову-ту, воткнул туда, вбил кол осиновый (Беляевка Оханского р-на) [ФА].

КОСОЙ, КОСОШАРЫЙ. *Страдающий косоглазием (о физической особенности человека — возможного носителя магических знаний и умений).* Я в сорок первом в Мыльницах жил, бригадиром тогда был. Баба у меня в бригаде была, Марфа **косая**. Она то ходила на работу, то нет. Мы и поругались с нею. Дак она наколдовала мне хомутец на пипку. Стало гнить. Михаил Яковлевич говорит: «Это над тобой Марфутка подшутила» (Андреевка Оханского р-на) [ФА]. **Косошарый.** Изурочит, раз такие глаза плохие (Мартино Красновишерского р-на) [ФА].

ЛЕВОРУКИЙ. *Владеющий левой рукой лучше, чем правой (о физической особенности человека — возможного носителя магических знаний и умений).* Кто **леворукый**, те больше-то зачерчивали болезни-те (Юм Юрл.) [ЮК: 355].

РЫЖЕВАТЫЙ. *Имеющий волосы рыжего цвета (об особенности внешности человека — возможного носителя магических знаний и умений).* [Кого считают урочливым?] Вот Володька-то у меня, он **рыжеватой**, дак он урочливой. Он у мян щас ведь вот-де какая скотина, дак он мне никого

[не разглядывает], которого иметь-то. Вот этого имай, вытаскиват, больше никаких не глядит, не разглядывает. Тут телёнок. «У тебя нынче телёнок большой!» — «Да какой, говорю, большой? Чё надо тебе от его?» (Городище Юсьвинского р-на) [ФА].

СЛЕПАЯ. Слово *видящая, не видящая* (о физической особенности женщины — возможного носителя магических знаний и умений). Деревенские шепотуньи есть, оне знают, кто это тебе посадил. У нас была *слепая* шепотунья (В. Мошево Соликамского р-на) [СПГ 2: 549].

Как нам представляется, такой подход к лексикографическому описанию названий людей с демоническими свойствами в словаре лексики мифологических рассказов одного региона позволит дать достаточно точную характеристику тем

способностям, которыми обладает персонаж, охарактеризовать их как постоянно реализующиеся или потенциальные, описать цель (цели) магической деятельности.

Хотя стоит признать, что и наш подход небезупречен, поскольку региональная традиция неоднородна, она представлена разными локальными традициями, в которых одна и та же номинация может осмысляться по-разному. Кроме того, сфера колдовства является достаточно закрытой, отношение к носителям сакральных знаний и умений в деревенском сообществе неоднозначное. Это порождает разные оценки и, соответственно, разные значения. Носители традиции единодушны только в одном: обладание таким знанием (даже если человек просто заговаривал болезни) греховно.

Источники

АС — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области в 6-ти тт. / Гл. ред. Ф. Л. Скитова. Пермь, 1984–2011.

БАС 6 — Большой академический словарь русского языка. Т. 6. 3 — Зятюшка. М.–СПб.: Наука, 2006.

БАС 8 — Большой академический словарь русского языка. Т. 8. Каюта — Каюрины. М.–СПб.: Наука, 2007.

БАС 9 — Большой академический словарь русского языка. Т. 9. Л — Медь. М.–СПб.: Наука, 2007.

Бахматов и др. 2008 — Бахматов А. А. и др. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования / А. А. Бахматов, Т. Г. Голева, И. А. Подюков, А. В. Черных. Пермь, 2008.

ББ — Былички и бывальщины: Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / Сост. К. Шумов. Пермь: Кн. изд-во, 1991.

КБ — Куединские былички: Мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX–XX вв. / Сост. А. В. Черных. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2004.

СПГ — Словарь пермских говоров 2-х тт. Пермь, Книжный мир, 2000–2002.

СРГКПО — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006.

СРГЮП — Словарь русских говоров Южного Прикамья в 3-х тт. Пермь, 2010–2012.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 4. В — Военки. Л.: Наука.

УД — Подюков И. А. и др. Усольские древности. Сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX–XX вв. / И. А. Подюков, А. М. Белавин, Н. Б. Крыласова, С. В. Хороб-

рых, Д. А. Антипов. Усолье, Соликамск, Березники: Пермское кн. изд-во, 2004.

ФА — фольклорный архив филологического факультета ПГНИУ.

ЮК — Бахматов А. А. и др. Юрлинский край: Материалы и исследования / А. А. Бахматов, И. А. Подюков, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Пермь, 2003.

Литература

Бобунова, Хроленко 2006а — Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Словарь языка русского фольклора: Лексика былины: Часть первая: Мир природы. Курск: Курск. гос. ун-т, 2006.

Бобунова, Хроленко 2006б — Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Словарь языка русского фольклора: Лексика былины: Часть вторая: Мир человека. Курск: Курск. гос. ун-т, 2006.

Бобунова, Хроленко 2007 — Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Конкорданс русской народной песни: Песни Курской губернии. Курск: Изд-во КГУ, 2007.

Бобунова, Хроленко 2008 — Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Конкорданс русской народной песни: Песни Архангельской губернии. Курск: Изд-во КГУ, 2008.

Бобунова, Хроленко 2009 — Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Конкорданс русской народной песни: Песни Олонекской губернии. Курск: Изд-во КГУ, 2009.

Бобунова, Хроленко 2010 — Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Конкорданс русской народной песни: Песни Сибири. Курск: Изд-во КГУ, 2010.

Виноградова 2000 — Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000.

Виноградова и др. 1989 — Виноградова Л. Н. и др. Схема описания мифологических персонажей // Материалы к VI Международному

конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. София, 30.VIII.89–6.IX.89. Проблемы культуры. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1989. С. 78–85.

Виноградова, Толстая 1989 — *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* Материалы к сравнительной характеристике мифологических персонажей // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. София, 30.VIII.89–6.IX.89. Проблемы культуры. М.: Институт славяноведения и балканистики. 1989. С. 86–114.

Виноградова, Толстая 1995 — *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* Вещица // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти тт. / Под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1: А–Г. С. 367–368.

Власова 1995 — *Власова М. Н.* Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб.: Северо-Запад, 1995.

Востриков 200 — *Востриков О. В.* Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. Выпуск V. Магия и знахарство. Народная мифология. Екатеринбург, 2000.

Кабакова 1989 — *Кабакова Г. И.* Материалы по румынской демонологии // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. София, 30.VIII.89–6.IX.89. Проблемы культуры. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1989. С. 133–150.

Левкиевская 2001a — *Левкиевская Е. Е.* Материалы к словарю полесской этнокультурной лексики (Опыт компьютерной обработки восточнославянской диалектной лексики). Демо-

нология // Восточнославянский лингвистический сборник. Исследования и материалы. М.: Индрик, 2001. С. 379–431.

Левкиевская 2001b — *Левкиевская Е. Е.* Демонология севернорусского села Тихманьги // Восточнославянский лингвистический сборник. Исследования и материалы. М.: Индрик, 2001. С. 432–476.

Левкиевская 2007 — *Левкиевская Е. Е.* Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика: дис. ... докт. филол. наук. М., 2007.

Никитина 2009 — *Никитина С. Е.* Человек конфессиональный и социум в народных конфессиональных текстах (лексикографический аспект). М.: Советский писатель, 2009.

Русинова 2013 — *Русинова И. И.* Восприятие «чужого» и «профессионала» как колдуна, знахаря (по данным «Словаря демонологической лексики Пермского края. Часть 1. Люди со сверхъестественными свойствами») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, 2013. Вып. 3(23). С. 28–34.

Славянская мифология 2014 — *Славянская мифология: Энциклопедический словарь.* Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2014. 512 с.

Черных и др. 2016 — *Черных А. В., Русинова И. И., Шкураток Ю. А.* «Вещица» в мифологических рассказах русских Среднего Прикамья // Традиционная культура. 2016. №2. С. 62–79.

Шведова 1981 — *Шведова Н. Ю.* Однотомный толковый словарь (специфика жанра и некоторые перспективы дальнейшей работы) // Русский язык: Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. (Виноградовские чтения IX–X). М.: Наука, 1981. С. 166–179.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Русинова И. И. orcid.org/0000-0003-3500-1604

кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания, Пермский государственный национальный исследовательский университет. г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: irusinova@mail.ru

DISCUSSING THE ISSUE OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF PEOPLE WITH SUPERNATURAL ABILITIES (BASING ON THE MATERIAL OF RUSSIAN MYTHOLOGICAL TEXTS OF PERM REGION)

IRINA I. RUSINOVA

(Perm State National Research University:
15 Bukireva str., 614000, Perm, Russian Federation)

Summary. *The article discusses the methods of lexicographic representation of people with supernatural abilities in the dictionary of myths of Perm region basing on the mythological texts of Perm region. The relevance of the work consists in the following: firstly, to date, when a great amount of mythological material has been gathered, it becomes necessary not only to describe the characters and their structure in different traditions but also to investigate the language that expresses mythological beliefs. Secondly, the investigated lexicon depicted in certain modern dictionaries hasn't obtained sufficient linguistic or semantic characteristics. The existing dictionaries of mythological lexicon are mostly encyclopedic and do not suppose the philological interpretation. Dictionaries of dialects describe nominative units and do it quite superficially using the synonyms of the literary language and a small amount of contexts.*

The proposed entries include not only the names of the characters but also their attributes. The definitions are made according to the models of interpretation of the lexical meaning elaborated by the author of the article that include the description of both generic attributes of a character – a person with demonic traits – and peculiar features that make him different from other characters. The study is a part of a lexicographic work devoted to the description of Russian demonic lexicon of Perm region.

Keywords: *mythological text, Perm region, person with supernatural abilities, dictionary, lexicon, definition model, model of interpretation.*

Acknowledgements. *The study is financially supported by grant of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 17-14-59009-OIH "Non-fairy tale folklore prose of the Northern Prikamye: general, regional, local (based on materials of mid to late 20th cent. and early 21 cent.)."*

References

- Bobunova M. A., Khrolenko A. T.** (2006) Slovar' yazyka russkogo fol'klora: Leksika byliny: Chast' 1: Mir prirody. [Dictionary of Russian folklore language: epic vocabulary: Part 1: Nature World]. Kursk. In Russian.
- Bobunova M. A., Khrolenko A. T.** (2006) Slovar' yazyka russkogo fol'klora: Leksika byliny: Chast' 2: Mir cheloveka. [Dictionary of Russian folklore language: epic vocabulary: Part 2: Human World]. Kursk. In Russian.
- Bobunova M. A., Khrolenko A. T.** (2007) Konkordans russkoy narodnoy pesni: Pesni Kurskoy gubernii. [Concordance of Russian Folk Song: Songs of Kursk Province]. Kursk. In Russian.
- Bobunova M. A., Khrolenko A. T.** (2008) Konkordans russkoy narodnoy pesni: Pesni Arkhangel'skoy gubernii. [Concordance of Russian Folk Song: Songs of Arkhangelsk Province]. Kursk. In Russian.
- Bobunova M. A., Khrolenko A. T.** (2009) Konkordans russkoy narodnoy pesni: Pesni Olonetskoy gubernii. [Concordance of Russian Folk Song: Songs of Olonetsk Province]. Kursk. In Russian.
- Bobunova M. A., Khrolenko A. T.** (2010) Konkordans russkoy narodnoy pesni: Pesni Sibiri. [Concordance of Russian Folk Song: Songs of Siberia]. Kursk. In Russian.
- Vinogradova L. N.** (2000) Narodnaya demonologiya i mifo-ritual'naya traditsiya slavyan. [Folk Demonology and Mythic-Ritual Tradition of the Slavs]. Moscow. In Russian.
- Vinogradova L. N.** i dr. (1989) Skhema opisaniya mifologicheskikh personazhey. [Schematic Descriptions of Mythological Characters]. *Materialy k VI Mezhdunarodnomu kongressu po izucheniyu stran Yugo-Vostochnoy Evropy.* Sofiya, 30.VIII.89–6.IX.89. Problemy kul'tury. [Materials for the VI International Congress on the Study of South-Eastern Countries of Europe]. Moscow. Pp.78–85. In Russian.
- Vinogradova L. N., Tolstaya S. M.** (1989) Materialy k sravnitel'noy kharakteristike mifologicheskikh personazhey. [Materials to Compare

ative Characteristics of Mythological Characters]. *Materialy k VI Mezhdunarodnomu kongressu po izucheniyu stran Yugo-Vostochnoy Evropy*. Sofiya, 30.VIII.89–6.IX.89. Problemy kul'tury. [Materials for the VI International Congress on the Study of South-Eastern Countries of Europe]. Moscow. Pp. 86–114. In Russian.

Vinogradova L. N., Tolstaya S. M. (1995) *Veshitsa* [Veshtitsa] Tolstoy N.I. (ed.) *Slavyanskie drevnosti: Ehtnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary. In 5 vol.]. Moscow. Vol. 1. Pp. 367–368. In Russian.

Vlasova M. N. (1995) *Novaya ABEVEGA russkikh sueveriy*. [New ABEVEGA of Russian Superstitions]. St. Peterburg. In Russian.

Vostrikov O. V. (2000) *Traditsionnaya kul'tura Urala. Ehtnoideograficheskiy slovar' russkikh govorov Sverdlovskoy oblasti. Vol. V. Magiya i znakharstvo. Narodnaya mifologiya*. [Traditional Culture of the Urals. Ethnoideographic Dictionary of Russian Dialects of Sverdlovsk Region. Magic and Sorcery. Folk Mythology]. Ekaterinburg, In Russian.

Kabakova G. I. (1989) *Materialy po rumynskoy demonologii*. [Materials on Romanian Demonology]. *Materialy k VI Mezhdunarodnomu kongressu po izucheniyu stran Yugo-Vostochnoy Evropy*. Sofiya, 30.VIII.89–6.IX.89. Problemy kul'tury. [Materials for the VI International Congress on the Study of South-Eastern Countries of Europe]. Moscow. Pp. 133–150. In Russian.

Levkievskaya E. E. (2001) *Materialy k slovoryu poleskoy ehtnokul'turnoy leksiki (Opyt komp'yuternoy obrabotki vostochnoslavyskoy dialektnoy leksiki)*. *Demonologiya*. [Materials to the Dictionary of the Polesie Ethnocultural Vocabulary (Experience of computer processing of East Slavic dialectal vocabulary). *Demonology*] *Vostochnoslavyskiy lingvisticheskiy sbornik. Issledovaniya i materialy*. [East Slavic Linguistic Collection. Research and Materials]. Moscow. Pp. 379–431. In Russian.

Levkievskaya E. E. (2001) *Demonologiya severnorusskogo sela Tikhman'gi*. [Demonology of North Russian Village of Tihmangy]. *Vostochnoslavyskiy lingvisticheskiy sbornik. Issledovani-*

ya i materialy. [East Slavic Linguistic Collection. Research and Materials]. Moscow. Pp. 432–476. In Russian.

Levkievskaya E. E. (2007) *Vostochnoslavyskiy mifologicheskiy tekst: semantika, dialektologiya, pragmatika: dis. ... dokt. filol. nauk*. [East Slavic mythological text: semantics, dialectology, pragmatics]. Moscow. In Russian.

Nikitina S. E. (2009) *Chelovek konfessional'nyy i sotsium v narodnykh konfessional'nykh tekstakh (leksikograficheskiy aspekt)*. [Confessional man and society in folk religious texts (lexicographical aspect)]. Moscow. In Russian.

Rusinova I. I. (2013) *Vospriyatie «chuzhogo» i «professionalnaya» kak kolduna, znakharya (po dannym «Slovara demonologicheskoy leksiki Permskogo kraja. Chast' 1. Lyudi so sverkh'estestvennymi svoystvami»)* [Perception of “alien” and “professional” as a sorcerer, healer (on the data of “A Dictionary of Perm Krai demon vocabulary. Part 1. People with supernatural abilities”)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2013. No. 3(23). Pp. 28–34. In Russian.

Slavyanskaya mifologiya: Ehntsiklopedicheskiy slovar'. (2014) [Slavic mythology: Encyclopedic dictionary]. Moscow. In Russian.

Chernykh A. V., Rusinova I. I., Shkuratok Yu. A. (2016) «Veshchitsa» v mifologicheskikh rasskazakh russkikh Srednego Prikam'ya [“Veshchitsa” the witch in the mythological narratives of the russians at the middle basin of Kama the river]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2016. No. 2. Pp. 62–79. In Russian.

Shvedova N. Yu. (1981) *Odnatomnyy tolkovyy slovar' (spetsifika zhanra i nekotorye perspektivy dal'neyshey raboty)*. [Single-volume explanatory dictionary (specifics of the genre and some prospects for further work)]. *Russkiy yazyk: Problemy khudozhestvennoy rechi. Leksikologiya i leksikografiya. (Vinogradovskie chteniya IX–X)*. [Russian language: Problems of artistic speech. Lexicology and lexicography. (Vinogradov Readings IX — X)]. Moscow. 1981. Pp. 166–179. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

Rusinova I. I. orcid.org/0000-0003-3500-1604

E-mail: irusinova@mail.ru

PhD in Philology, Associate Professor in the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Perm State University

15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia